

рит в окно...», «И вымолвить хочет: «Давай улетим!» и т. д. Лермонтовская трактовка темы характеризуется пассивностью героя, ставящего на место реального действия романтические мечты о кем-то данной ему свободе, о «черноглазой девице», «черногривом коне». Однако доминирует в повествовании безысходность ситуации: «Но окно тюрьмы высоко, Дверь тяжелая с замком...», «Стены голые кругом...» и т. д. Эти особенности семантики текстов находят формальное выражение в заметном преобладании у Пушкина глаголов, а у Лермонтова существительных и прилагательных. В процентном отношении в «Узнике» Пушкина существительных 26,10, глаголов 21,75, прилагательных 10,15 %, а в «Узнике» Лермонтова соответственно 34,52, 10,71 и 19,04 %.

Таким образом, анализ материала позволяет говорить о важности уровня грамматических отношений, выполняющего в стихотворном тексте взаимосвязанные и взаимообусловленные другими структурными уровнями функции, направленные на адекватную передачу авторского замысла.

¹ Лотман Ю. М. Структура художественного текста.— М., 1970, с. 203.

² См.: Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной.— М., 1977, с. 927.

³ Лермонтов М. Ю. Соч. в шести томах.— М.-Л., 1954, т. 1—2.

⁴ Лермонтовская энциклопедия.— М., 1981, с. 537.

⁵ Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха.— Пг., 1922, с. 91.

К. М. ГЮЛУМЯНЦ

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СОМАТИЧЕСКИМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Исследование фразеологизмов трех восточнославянских языков целесообразно проводить на основе выделения определенных критериев. Ведущим в нашей работе является тематический признак — изучаются сочетания, в состав которых входят слова, называющие части и органы тела. Подобные лексемы (и сочетания с ними) определяются во фразеологии термином «соматизмы» (ср. греч. *soma* — тело). Фразеологизмы-соматизмы (ФС) изучались, главным образом, на материале отдельных языков (см. работы таких авторов, как Ф. Вакк, Э. М. Мордкович, Э. С. Якимова и др.). Значительно меньше внимания уделялось исследованиям сравнительного плана, а между тем именно такой подход позволяет глубоко и всесторонне изучить общие закономерности образования и функционирования исследуемой группы устойчивых сочетаний.

В первую очередь обращает на себя внимание многочисленность ФС — по подсчетам А. И. Исаева, они составляют в разных языках от 9 % до 15 % всего фразеологического состава¹. Установить точное число соматизмов довольно трудно: лексикографические источники (как фразеологические, так и толковые словари) в зависимости от объема, критериев отбора материала и других факторов включают только часть материала. Так, например, в ССРЛЯ в статье «голова» приведено 54 устойчивых сочетания², а во Фразеологическом словаре русского языка (ФСРЯ) их 117³. Подобная картина наблюдается и в других языках. Число ФС с компонентом «галава» в белорусских словарях колеблется в пределах от 50 до 100 единиц⁴. Более точные подсчеты дают другой результат: по данным Э. М. Мордкович, в белорусском языке с названным существительным насчитывается 138 сочетаний⁵. Надо полагать, что заниженной является также цифра 50 для украинского языка⁶. В то же время не подлежит сомнению, что фразеологизмовательная активность того или иного соматизма в разных языках неодинакова.

Роль слов-соматизмов как смыслообразующих центров фразеологических единиц неслучайна. Они составляют наиболее архаическую часть словарного состава языка и входят в его основной фонд. Образованные

на основе соматизмов фразеологизмы отражают общие психо-физические ощущения людей, типичные действия и состояния. Ср.: русск.: *голову вешать, махнуть рукой на кого, на что, еле держаться на ногах*; бел.: *звесіць галаву, махнуць рукой на каго-, што-небудзь, ледзь трымацца на нагах*; укр.: *вішати голову, махнути рукою на кого, на що, ледве триматися на нагах* и др.

Наибольшее структурно-семантическое сходство фразеологизмов разных языков наблюдается именно в этой группе; значительно больше отличаются друг от друга своеобразно переосмысленные сочетания-идиомы, какими являются, например, русск.: *в первую голову, на тонкой ноге, доходить до ручки*; бел.: *мець мухі ў носе, чорны вол наступіў на нагу, ні ў пяце ні ў галаве*; укр.: *піти світ за очі, дати ногам знати, леп з голови здирати* и т. п.

Лексемно-соматизмы образуют целые гнезда фразеологизмов, выступая в последних в качестве семантически опорных слов, постоянных членов сочетаний. Количество таких гнезд предельно в том смысле, что оно ограничено составом соответствующих лексем—тематические ряды соматизмов в целом (и отдельные микроряды) не выказывают полной адекватности даже в близкородственных языках. Ср., например, смысловый объем существительных *плечо, спина, шея, жила* и др. в отдельных славянских языках. В соответствии с этим несколько различным в разных языках является и количество общеизвестных слов-соматизмов (в среднем оно колеблется в пределах от 120 до 150 единиц)⁷.

В связи со смысловой спецификой соматизмов фразеологические гнезда образует только определенная их часть—в русском примерно 60 лексических единиц, в белорусском — более 40. Следовательно, большая часть соматизмов во фразеобразовательном процессе не участвует. В литературном русском языке нет, в частности, сочетаний со словами: *бицепс, веко, висок, голень, гортань, горсть, зрачок, железо, желудок, кисть* и целым рядом других. Почти все эти наименования отсутствуют и во фразеологизмах других восточнославянских языков. Вышли из активного употребления устаревшие слова типа *вежды, व्या, длань* и некоторые другие.

Соматизмы, которые образуют фразеологические гнезда, в свою очередь, различаются с точки зрения деривационных потенций. Активность слова зависит от емкости его семантической структуры, наличия/отсутствия переносных значений, диапазона сочетаемости, языкового обычая и других причин. Немалое значение имеет и экстралингвистический фактор: чисто бытовые представления носителей языка о той или иной части тела, о важности его функций, многовековые наблюдения над действиями и реакциями человека в той или иной ситуации. Во всех славянских (и других европейских) языках наибольшее количество соматизмов группируется вокруг сравнительно небольшого числа слов, порядка 10—15 единиц. Здесь можно проследить интересную закономерность: самыми частотными являются одни и те же существительные. Это слова: *рука, глаз, голова, сердце, нога, рот, ухо, лицо, зуб, язык, палец, нос*. Частотность употребления каждого из приведенных выше слов может в большей или меньшей степени различаться как в исследуемых нами, так и в других языках, однако его ранг в таблице соматизмов довольно устойчив. Так, например, установлено, что в белорусском языке (а также в английском и немецком) первое место среди соматизмов занимает слово «рука» (153 единицы), второе — «вока» (148 сочетаний), третье — «галава» (138). Весьма показательно, что три самых частых соматизма образуют больше трети всех ФС белорусского языка (439 от общего числа 1229). В русском языке, как показал В. М. Глухов, первые три места занимают эти же существительные (соответственно 170, 133 и 120 единиц)⁸.

В каждом большом фразеологическом гнезде со словами-соматизмами можно выделить несколько семантических микрополей, объединяющих сочетания с тождественными или близкими смысловыми признаками. Скажем, сочетания со словом «сердце» охватывают широкую сферу

переживаний, настроений, чувств, различных психических состояний человека. Отсюда десятки сочетаний, характеризующих душевный мир индивидуума (любовь, радость, печаль, страдание, горе и т. п.): *с легким сердцем, принимать близко к сердцу, сердце болит, сердце кровью обливаётся, сердце разрывается (на части)*. Ср.: *з лёгкім сэрцам, прымаць блізка да сэрца, сэрца баліць, сэрца кроўю абліваецца, сэрца разрываецца; з легким сердцем, брати (близько) до серця, серце болить, серце кров'ю обливається, серце розривається* и многие другие. Многочисленные совпадения образной основы устойчивых сочетаний разных языков объясняются тем, что в области фразеологии особенно ясно обнаруживаются общие закономерности образования ассоциативных связей и логических отношений.

Менее продуктивными в сфере фразеологии являются существительные: *башка, волос, горло, грудь, живот, колено, лоб, ус* и некоторые другие. Большая их часть образует не более десятка сочетаний, остальные соматизмы входят в состав одного-трех фразеологизмов (ср.: *гнуть горб, сидит в печенках, положить на обе лопатки*). Следует добавить, что среди устаревших сочетаний также преобладают существительные, отмеченные нами как наиболее активные: *войти в голову, поднять на зубки, поднять ноги, уполести ноги, вскинуть глаз*⁹; *важити на горло, взяти на зуб, дати руку, брати во уши, з рук выняти* и др.¹⁰

Значительная часть слов-соматизмов образвала метафорические значения, что является фактором, способствующим образованию фразеологизмов и их переосмыслению. Но, как показывают наблюдения, основная масса устойчивых соматических сочетаний имеет в своей основе прямое значение слова. Вот два примера. В ССРЛЯ существительное «голова» отмечено в пяти значениях (см. т. 3, с. 212—220). Однако большинство сочетаний (30 из 54) образовано от первого (основного) значения (т. е. «верхняя часть тела»). Существительное «нога», согласно этому же словарю, имеет два значения (т. 7, с. 1369—1375), но все отмеченные под этим гнездовым словом сочетания (71) связаны своим употреблением с первым значением («нижняя конечность человека»). Передко в состав фразеологических единиц входит сразу два соматизма. Например: *бить себя кулаком в грудь, связывать кого-либо по рукам и ногам, ни кожи, ни рожки*; ср. в бел.: *паставіць з галавы на ногі, мець галаву на плячах, без рук, без ног*; укр.: *ні з очей ні з плечей, брати ноги на плечі, голова на в'язах у кого* и т. п.

Между словами-соматизмами во фразеологизме устанавливаются особые смысловые отношения: они выступают то как близкие (например, *с руками и ногами*), то как противоположные по значению (*с головы до ног*), а в других случаях возникают новые ассоциации (например, по смежности: *ни уха, ни рыла*) и т. п. Среди фразеологизмов, включающих две соматические лексемы, довольно заметное место занимают сочетания тавтологического типа, как: *рука в руку, рука об руку, с рук на руки, из рук в руки, рука руку моет* и т. д.

Частым явлением можно назвать использование во фразеологии слов-соматизмов в роли взаимозаменяемых компонентов при образовании лексических вариантов. Например: *во все горло||во весь рот, с рук||с плеч долой, лизать пятки||ноги||руки, войти в сердце||в душу кого, повергать к стопам||к ногам; з галавы да ног||да пят, сэрца||душа апала, мець галаву на плячах||на карку, браць ногі на плечы||у рукі; в поті чола||лиця, аж мурашки забігали по тілу||по спині, не вішати голови||носа, заломлювати голову||шию* и т. п. В таких заменах обнаруживается определенная система, а именно: во всех восточнославянских языках варьируемые компоненты составляют устойчивые пары слов. В основе замены лежит разное смысловое соотношение альтернантов. Чаще всего это вариативность на основе метонимического переноса. Например: *нога-пята, нога-стопа, голова-лоб, голова-нос, тело-спина*; во многих случаях устанавливаются ассоциации по смежности (*голова-шея, голова-в'язы, голова-карак*) или по противоположности (*рука-нога*). Достаточно распространенным явля-

ется и такой случай, когда взаимозаменяемые существительные являются функционально-стилистическими синонимами, как, например: *разудь глаза||бельма, продирать глаза||зенки||глазенапа, вылуниць вочы||бельмы* и т. п. Можно упомянуть еще и о словообразовательных вариантах СФ (ср.: *проглядеть/все/глаза||глазыньки, одним глазком||глазом* и т. п.).

К более редким случаям следует отнести такие: а) замена одного соматизма другим носит как бы случайный характер (ср.: *глаза||зубы разгорелись у кого на что*); б) однотипные по структуре сочетания с соматизмами не образуют вариантов. Так, например, согласно показаниям ФСРЯ, фразеологизм *на широкую ногу* имеет значение: «Богато, роскошно, не стесняясь в средствах» и употребляется обычно с глаголом «жить» (с. 284), в то время как сочетание *на широкую руку* означает: «Щедро, с размахом (делать что-либо)», т. е. имеет несколько другую сферу применения (с. 402). Семантическое поле соматизмов расширяется за счет метафорического употребления слов, имеющих первоначально совершенно другие значения. Ср.: *голова-котелок, голова-макітра, глаза-шары* и т. п. В этом случае употребляемые в функции соматизмов лексемы придают сочетанию просторечный, фамильярный, шуточный или иронический оттенок. Яркую отрицательную экспрессию имеют обычно фразеологизмы, включающие наименования частей тела животного, как, например: *показать (свои) когти, брать за жабры, задраць капыты* и т. п. За счет подобных слов нередко образуются многочисленные синонимические ряды (как: *лицо — морда, харя, рыло*).

Рамки статьи не дают нам возможности остановиться на этих вопросах подробнее. Специального исследования заслуживают и смысловые связи соматизмов: внутриязыковые и межъязыковые синонимы (ср.: *куда глаза глядят, куда ноги несут; аж боки рвати, аж за живіт братися; как у бога за пазухой, як у бога за плечима*), многозначные единицы (ср. русск.: *с руками и ногами* (2 значения), бел.: *з рукамі і нагамі* (1 значение), ср. еще русск.: *земля горит под ногами* и укр.: *горить земля під ногами*, бел.: *галаву сушыць* и укр.: *голову сушити* и т. п.), фразеологические антонимы (например, бел.: *карміцца з чужых рук, карміцца з пяці пальцаў*).

Итак, соматические фразеологизмы в восточнославянских языках представляют собой большие и разнообразные по лексико-грамматическому составу микрополя. ФС отражают как типологически общие, так и индивидуальные для каждого языка черты.

¹ См.: Исаев А. И. К сравнительному изучению соматической фразеологии (на материале узбекского, немецкого и английского языков).— Бюллетень по фразеологии № 1.— Самарканд, 1972, с. 40. По мнению других исследователей, соматизмы составляют 1/3 фразеологического состава языка. (См.: Глухов В. М. Типология фразеологических единиц в славянских языках (о некоторых аспектах сопоставительного анализа).— В сб.: Проблемы фразеологии.— Тула, 1980, с. 120).

² См.: Словарь современного русского литературного языка в 17 томах.— М., 1948—1965.

³ См.: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова.— М., 1967.

⁴ См.: Камароўскі Я. М. і інш. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі,— Мінск, 1972; Русско-белорусский словарь / Под ред. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глебки.— М., 1953; Янкоўскі М. Фразеалагічны слоўнік.— Мінск, 1973; Глумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1—5. Мінск, 1977—1983.

⁵ См.: Мордкович Э. М. Понятийные разряды соматических фразеологизмов.— Труды САМГУ. Новая серия, вып. 277: Вопросы фразеологии VII.— Самарканд, 1975, с. 100—112.

⁶ См.: Украинско-русский словарь / Под ред. У. М. Кириченко.— Киев, 1953; Украинско-російський и російсько-український фразеологічний словник / Под ред. С. Олійника, М. М. Сидоренко.— Київ, 1971; Словник української мови. Т. I—VI.— Київ, 1970—1975.

⁷ Более подробно см. об этом нашу (в соавторстве с Э. Козаржевской) статью: *Ze studiów nad strukturą połączeń wyrazowych w językach wschodnio — i zachodniostowiańskich.— Z polskich studiów slawistycznych, seria V.— Warszawa, 1978, s. 357—368.* Нами не учитывались узкоспециальные (как: *евстахнева труба*) и составные наименования (типа: *указательный палец*), ограниченно приведены сочетания (типа: *глазное яблоко*).

⁸ См.: Глухов В. М. Указ. раб., с. 120.

⁹ См.: Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка.— Л., 1977, с. 234—235.

¹⁰ См.: Аksamitaў А. С. Беларуская фразеалогія.— Мінск, 1978, с. 141—160.

Т. Г. МИХАЛЬЧУК

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ДИАЛОГИЧЕСКИХ
ФОРМ СОГЛАСИЯ — НЕСОГЛАСИЯ И ИХ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ПЬЕСЕ К. А. ТРЕНЕВА
«ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ»

Пьеса К. Тренева «Любовь Яровая» относится к числу художественных произведений послеоктябрьского десятилетия, наиболее ярко отразивших атмосферу Октябрьской революции и давших многоплановую панораму социальнотипичных образов. Каждое действующее лицо пьесы — будь то Швандя или Кошкин, Дунька или Горностаев, Любовь Яровая или крестьянин Пикалов — наделено драматургом объемной речевой характеристикой. К особым достоинствам языка Тренева критика относит, в частности, мастерское построение диалогов, «то драматически напряженных, то сатирически заостренных, в которых действенность всегда сочетается с большой смысловой емкостью»¹, а также искусство речевого контраста в диалоге.

Типичной (опорной) конструкцией категории согласия — несогласия (СН) следует считать диалогическое единство. В построении высказываний согласия — несогласия выделяются три основных способа: 1) повтор чужого высказывания с использованием модального переключателя (частицы *не* или ее функциональных эквивалентов); 2) использование семантически специализированных и синтаксически нечленимых слов-предложений: *да, нет, правда, не так ли, конечно* и т. п.; 3) использование синтаксически свободных высказываний с лексически выраженным согласием — несогласием: *Я согласен, Я не против, Я возражаю, Я не согласен*.

К. А. Тренев использует реальные различия форм согласия — несогласия в целях усиления художественного противопоставления персонажей средствами речи. Например, персонажи из народа пользуются экспрессивно-яркой формой выражения несогласия **первого способа** с модальным оттенком невозможности: Ср.: [Швандя:] Надо, товарищ Роман, сразу же массы поднять! — [Кошкин:] Ну, это ты хватил: поди подыми! (д. IV). [Татьяна:] А Хрущ? Брат? Неужто повесили? — [Кошкин:] (улыбаясь) Повесишь его (д. IV)². Образованные же персонажи используют сходный прием в усложненно-утонченном виде. Подхваченное слово, оборот не просто интонационно отрицается, а еще каламбурно переосмысливается. [Панова:] Вами Дунька сейчас интересовалась. Жулик, говорит, и чей-то сын.— [Елисаатов:] Все мы сыны России, Павла Павловна! [Панова:] Нет, она несколько иначе вашу генеалогию выводит.— [Елисаатов:] Я ее отсюда выведу (д. III). [Закатов:] Позвольте возразить вам в пяти пунктах.— [Горностаева:] Гонят вас во всех пунктах (д. III).

Для народных персонажей характерны формы со специфической окраской народной речи: [Швандя:] Да ты что, опять в пленных ходишь? — [Пикалов:] Кабы в пленных... А то хуже (д. V). [Швандя:] Прикурить нет ли? — [Пикалов:] Как бы было (д. II). Образованные персонажи включают в свою речь неправильные формы в порядке коммуникативной «подстройки» к собеседнику и иронического цитирования: [Дунька:] Тю! Да я вчера по семьсот тысяч брала.— [Елисаатов:] То — вчера. А сегодня... (д. III). [Дунька:] Белые дороги занимают. Надо на Замостье правиться.— [Елисаатов:] Так правьтесь, а то как бы трюмо не повредили (д. III).

Языковое смешение — характерная черта устного языка эпохи. Революционная перестройка общественной жизни усиливает речевой обмен между социальными группами, что академик Л. В. Щерба считал основ-